

Наконец настал перерыв. Скорбя так, словно лишились родителей, ученики сдали карты Восточного континента — столь путанные, что даже они сами едва ли могли в них разобраться. В этой суматохе мало кто заметил, что в самом последнем ряду опустело место Шэн Лююя.

Один лишь Чэнь Ибай буквально лучился радостью. Говорили, что по пути из Юньчжоу на Восточный континент он — пусть в прочих науках и не преуспел — карты изучил досконально и теперь чувствовал себя крайне уверенно.

Он повернулся к Сэ Чанмину, явно намереваясь похвастаться, но, заметив отсутствие Шэн Лююя, мгновенно загорелся любопытством:

— Брат Сэ, ты же сидишь позади. Не знаешь, куда подевался молодой господин Шэн?

Сэ Чанмин ответил с полнейшим спокойствием:

— Не имею ни малейшего представления.

— А я-то думал, раз ты в прошлые дни сидел с ним рядом, то решил набиться к нему в друзья, — хмыкнул Чэнь Ибай. — Но оно и к лучшему. С молодым господином Шэном общаться — то еще удовольствие.

— Это еще почему? — полюбопытствовал Сэ Чанмин.

— Ну как же! Мы с ним за эти дни посетили несколько занятий. Стоило кому-то заговорить с ним — просто поболтать или спросить что-то по учебе, — он и ухом не вел. Высокомерная божественная птица, что с него взять.

«Хм, совсем не вяжется с тем, что произошло только что»

Сэ Чанмин легонько постучал пальцами по столу. Иллюзия послушно подняла голову и кротко воззрилась на него. Стоило протянуть ей кусочек неподвижного дерева, как двойник покорно принял его и принялся крутить в руках, словно забавную игрушку.

По сравнению с настоящим Шэн Лююем эта иллюзия казалась невероятно наивной и милой.

Сэ Чанмин даже подумал, что этого двойника можно было бы увести за собой, просто поманив горстью кедровых орешков.

Но делать этого, разумеется, не следовало. Случись такое на самом деле, он нажил бы себе в лице Шэн Лююя смертельного врага.

Неразумно. Крайне неразумно.

— А те слова, вырезанные на краю стола... они и на прошлых уроках там были? — спросил Сэ Чанмин.

— Ну да, — кивнул Чэнь Ибай. — Нрав у него донельзя холодный. Даже самые заносчивые ученики из великих кланов, хоть и спорят с нами постоянно, никогда не станут демонстративно молчать, если к ним обращаются.

Сэ Чанмин слегка нахмурился.

— Он соблюдает обет молчания. Это вовсе не значит, что он намеренно всех игнорирует.

— Ну и что с того? Разве трудно хотя бы кивнуть в ответ? — не сдавался Чэнь Ибай.

Шэн Лююй не просто не разговаривал — он даже головой не кивал. На то были свои причины: и глухота, и безмолвный дзен, да и просто нежелание общаться с кем попало.

Но это было его личным делом. В конце концов, он всего лишь маленькая птичка, и если ему не хотелось ни с кем знаться, Сэ Чанмин считал, что никто не вправе его за это судить.

Сэ Чанмин понизил голос:

— К тому же Шэн Лююй живет один на самом пике горы, что само по себе доказывает его особое положение. Выходцев из именитых семей сколько угодно, а божественная птица на всем белом свете лишь одна.

— Твоя правда, — согласился Чэнь Ибай, задумавшись.

— И потом, он ведь божественная птица, — вкрадчиво продолжил Сэ Чанмин. — Кто знает, какими тайными техниками он владеет? Ты уверен, что он не слышит, когда о нем шепчутся за спиной?

Поскольку Чэнь Ибай и без того чувствовал себя неловко из-за того, что распускал сплетни, от этих слов он заметно занервничал и поспешил отмахнуться:

— Да ну тебя, не пугай меня так!

Сэ Чанмин мягко улыбнулся:

— Недавно мне в руки попала занятная книга. Там описывался один редкий духовный зверь: стоило кому-то в мире произнести его имя, как он мгновенно улавливал каждое слово. Если на такое способны обычные твари, то на что же способна божественная птица?

Чэнь Ибай побледнел от страха.

Конечно, ничего подобного быть не могло — Шэн Лююй был и глух, и наполовину слеп.

Однако, если бы Сэ Чанмин сейчас не урезонил своего собеседника, тот из-за своей глупости и недержания на язык непременно продолжил бы болтать лишнее в будущем.

Лучше было сразу избавиться себя от хлопот раз и навсегда.

Следующее занятие Чэнь Ибай провел с таким же унылым лицом, как и все остальные.

Как только пробил час окончания урока, классная комната мгновенно опустела.

Сэ Чанмин вышел вместе со всеми, но спускаться с горы не стал. Вместо этого он укрылся в тени рощи зеленых бамбуков.

Господин Сюй самолично назначил Шэн Лююя встречу у бамбуковой рощи, чтобы вернуть ему оброненное перо.

Сотворить простую иллюзию не составляло большого труда, но сделать так, чтобы она приняла человеческий облик, двигалась сама по себе и реагировала на действия окружающих, — задача невероятно сложная. Это колдовство держалось исключительно на силе пера, и столь ценное сокровище, разумеется, нельзя было просто присвоить себе.

Вскоре у дороги показался господин Сюй. Опершись о ствол дерева, он остановился в ожидании. Рядом с ним семенила девочка лет тринадцати-четырнадцати.

Звали ее Цингу. От обычных сверстниц она отличалась твердым, почти воинственным взглядом. Поговаривали, что она приходится господину Сюй племянницей, которую тот забрал к себе из мира смертных. Впрочем, ходили слухи, что в свое время вся семья господина Сюй была вырезана подчистую — выжил лишь он один, не пощадили даже дворового пса. Откуда при таком раскладе объявилась племянница, оставалось только гадать.

Несмотря на нежный возраст, Цингу отличалась поразительной рассудительностью и держала дядю в ежовых рукавицах.

Сэ Чанмин наблюдал, как она достала из корзины теплый плащ, заботливо укутала в него господина Сюй, а затем выудила дорожную флягу и принялась настойчиво поить его горячей водой, пока тот не осушил добрую половину.

Умудрившись поперхнуться даже простой водой, господин Сюй зашелся в долгом, надрывном кашле.

Цингу недовольно нахмурилась и строго отчитала его:

— Кто просил тебя вчера до ночи пить вино в саду под луной?! Вот теперь и кашляешь без остановки!

— Коля жизнь щедра, хмельное пей до дна... — сквозь кашель прохрипел господин Сюй.

Малышка принялась хлопать его по спине, но из-за невысокого роста едва дотягивалась до лопаток. В сердцах она воскликнула:

— И где же тут щедрость судьбы, если ты вечно ходишь бледный как поганка и еле дышишь?!

С племянницей господин Сюй терял всю свою напускную строгость. Он лишь мягко возразил:

— Коль жизнь горька, тем паче пить должно. Ведь если суждено уйти за гору Цишань, там вина уже не нальют.

Цингу сердито округлила глаза:

— Опять ты за свои похоронные речи?! Если ты отправишься на Цишань сейчас, это будет называться безвременной кончиной, ясно тебе?!

Господин Сюй тепло посмотрел на нее:

— Семь десятков лет смертным отмерено редко, а я к этому рубежу уже подобрался. Так что уйти сейчас — вполне себе благодатная кончина.

Судя по лицу девочки, ей безумно хотелось его стукнуть, но она сдержалась — калечить больного дядю было непедагогично. Вместо этого она лишь фыркнула:

— Для заклинателя твоего уровня умереть, не дожив до нескольких сотен лет, — чистой воды глупость и безвременная кончина!

Сэ Чанмин, стоя в бамбуковых зарослях, прекрасно слышал их разговор и видел, что господин Сюй вовсе не шутил. Он говорил совершенно серьезно.

Странно все это.

Господин Сюй достиг великого совершенства на стадии Прозреваемой Пустоты. Даже при врожденной слабости тела накопленная за годы культивации духовная энергия должна была полностью компенсировать любые недуги. Он просто не мог так тяжело болеть.

Если только... его техника совершенствования не таила в себе смертельную угрозу, либо он стал жертвой мощного проклятия или ядовитого наговора.

Они прождали еще какое-то время. Поднялся холодный ветер, а укрыться у дороги было совершенно негде. Цингу заворчала пуще прежнего:

— И чего эта птица Чанмин о себе возомнила? Заставила нас ждать целую вечность!

Сэ Чанмин прекрасно помнил, как во время урока господин Сюй отправил Шэн Лююя послание с указанием места и времени встречи, наставляя того проявить уважение к учителю и явиться с извинениями.

Однако Шэн Лююй на это письмо так и не соизволил ответить.

Минуты тянулись одна за другой, но дорога оставалась пустой.

Очевидно, будучи еще совсем юным птенцом, Шэн Лююй имел весьма смутное представление о почтении к старшим.

Цингу нетерпеливо притопнула ножкой:

— Хватит торчать здесь! Раз ему не нужна собственная вещь, пускай катится на все четыре стороны!

Да и сам господин Сюй, похоже, уже потерял терпение.

Послушав чужие препирательства в своем укрытии, Сэ Чанмин так и не дождался появления виновника торжества.

Судя по всему, судьба действительно не благоволила их встрече.

Он уже собирался тихо скользнуть прочь по узкой тропинке, как вдруг господин Сюй окликнул его, прищурившись и хитро улыбнувшись, точно лис:

— Поговаривают, ты неплохо ладишь с этой маленькой птицей Чанмин?

Сэ Чанмин промолчал. На самом деле их знакомство едва ли можно было назвать близким.

Господин Сюй протянул ему заветное перо:

— Раз так, передай его владельцу вместо меня.

Сэ Чанмин принял перо. Лишь теперь он смог как следует разглядеть эту вещь: перо было глубокого изумрудного оттенка, невероятно мягкое и легкое. По всей его длине переливались тончайшие золотые узоры, столь ярко сиявшие на солнце, что на них было больно смотреть.

«Что ж, вот и представился отличный повод соткать новую нить судьбы»

Впрочем, Сэ Чанмин не стал спешить во Двор Разреженного Ветра. Во второй половине дня его ждали не только скучные лекции, но и заботы в Саду духовных растений, где нужно было присматривать за созревающими плодами.

Истинный человек Луньин все еще лелеял надежду втереться в доверие к Птице Чанмин, а потому набрал целую корзину спелых духовных плодов и велел Сэ Чанмину непременно доставить их адресату.

Лишь на закате Сэ Чанмин, неся в руках корзину с фруктами и драгоценное перо, поднялся на вершину пика Зеленого Пришествия.

На этот раз дикие розы у ворот разрослись еще гуще, а их шипы казались более острыми. Осторожно разведя колючие ветви в стороны, Сэ Чанмин постучал в бронзовое кольцо на двери.

В ответ не раздалось ни звука.

Он попытался толкнуть створку плечом, но та даже не шелохнулась.

Похоже, на этот раз Шэн Лююй твердо решил держать незваного гостя за порогом.

Недолго думая, Сэ Чанмин подобрал с земли упавший лист платана, нацарапал на нем несколько слов, объясняющих цель визита, и легким заклинанием отправил его в полет. Лист, подхваченный порывом ветра, плавно влетел в приоткрытое окно дома.

Спустя мгновение наружу вылетел другой лист. На его гладкой поверхности красовалась надпись: «Фрукты не ем. Перо испачкано, мне оно больше не нужно».

Сэ Чанмин отчетливо ощутил, как изумрудное перо в его пальцах мелко затрепетало, словно испугавшись сурового приговора хозяина.

Он на мгновение задумался: что именно Шэн Лююй посчитал «грязным»? То, что перо касалось земли во время вчерашней потасовки, или то, что сейчас его держали чужие руки?

Решив прикинуться непонимающим, Сэ Чанмин написал в ответ: «Что значит испачкано? Я самолично очистил его от пыли, оно сияет первозданной чистотой».

Как он и ожидал, очередной лист прилетел практически мгновенно.

«Не смей трогать мои перья! Твоя иллюзия цепляла на него свои четки, так что оно осквернено!»

Судя по размашистому почерку, отправитель пребывал в крайнем раздражении.

Сэ Чанмин догадался: Шэн Лююй, скорее всего, почувствовал колебания духовной энергии и настроил связь со своим двойником лишь в самый последний момент, успев заметить, как исчез брусок неподвижного дерева. Тогда-то он и понял, чьих рук это дело.

Однако это ничуть не смутило Сэ Чанмина. С неизменным спокойствием он вывел новые

строки: «Мы с молодым господином Шэном едва знакомы. Неужели ты думаешь, что я собирался преподнести тебе эти четки в дар? Твоя иллюзия сама в них вцепилась».

Как ни погляди, они уже успели повздорить, и былые обиды так просто не сгладить.

Но вражда — это тоже своего рода связь. Раз уж они начали с раздора, почему бы не сделать эту нить прочнее? Чем крепче узел, тем интереснее последствия.

К тому же вчерашний двойник был сущим глупышом, а теперь и вовсе обратился обратно в безмолвное перо. Опровергнуть слова Сэ Чанмина было некому, так что он мог без зазрения совести сочинять любые небылицы.

Шэн Лююй пришел в такое неистовство, что гневные слова едва уместились на узком листке:

«Ты бессовестно клеветешь на меня!»

Сэ Чанмин невольно улыбнулся про себя.

«Какое счастье, что нас разделяет запертая дверь. Иначе от его обета молчания не осталось бы и следа»

Противостояние затянулось. Понимая, что упрямая птица ни за что не выйдет к нему, Сэ Чанмин решил не тратить время попусту. Он аккуратно положил изумрудное перо поверх корзины с сочными плодами, громко крикнул, что уходит, и зашагал прочь.

Подождав немного и удостоверившись, что шаги за воротами стихли, Шэн Лююй наконец приоткрыл дверь. Он бережно подобрал свое перо, затем скосил глаза на корзину с фруктами и, после недолгих колебаний, все же занес ее внутрь.

Чего он точно не подозревал, так это того, что Сэ Чанмин, бесшумно скользнув следом, преспокойно вошел вместе с ним во Двор Разреженного Ветра.

Чрезвычайно преспокойно.

<http://bllate.org/book/18249/1750591>